

Сергий (Страгородский), архим. На Дальнем Востоке: (Письма японского миссионера) [Письма: VIII: Нагасаки и Японское Средиземное море, 16 октября, IX: Тоокео, 20 октября 1890 г.] // Богословский вестник 1896. Т. 2. № 4. С. 106–128 (2-я пагин.). (Продолжение.)

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ. (Письма японскаго миссіонера)¹⁾.

ПИСЬМО VIII.

16 Октября. Нагасаки и Японское Средиземное море.

Вотъ мы и въ Японіи. Еще нѣсколько дней, и мы увидимъ и самое Тоокео. Скоро конецъ нашему скитанію.

Какъ я писалъ, 13-го вечеромъ мы должны были придти въ Нагасаки. Благодаря чудной погодѣ, лунной ночи, позволявшей идти полнымъ ходомъ, наши расчеты вполне оправдались. Около 9 часовъ сталъ виденъ Нагасакскій маякъ, привѣтливо сверкающій на горизонтѣ. Вонъ она Японія. Скоро, скоро увидимъ ее.

Оказалось маякъ виденъ верстъ за 30 или болѣе. Шли мы до него, шли, — цѣлыхъ два часа обманывалъ онъ насъ своей близостью. Мы всетаки выдержали себя и, несмотря на прохладу ночи, остались на палубѣ до самаго конца.

Нагасакскій рейдъ представляетъ изъ себя со всѣхъ сторонъ закрытую бухту, которая соединяется съ моремъ только длиннымъ и узкимъ проходомъ. Подошедши къ самому порту вы можете совсѣмъ не подозрѣвать о его существованіи: узенькій проливъ, ведущій во внутреннюю бухту, совершенно пропадаетъ среди зелени береговъ и за маленькими островками. Ночью одинъ только маякъ выдавалъ близость порта. Мы шли мимо какихъ-то темныхъ горъ и островковъ, впереди одна сплошная темная стѣна. Кажется, вотъ-вотъ пароходъ врѣжется куда-нибудь въ берегъ, и дальше ходу нѣтъ. Маякъ шелъ прямо на насъ, потомъ вдругъ

---

¹⁾ См. Б. В. Мартъ.

отстранился къ боку, и прошелъ мимо по правому борту. Мы шли прямо на стѣну. Вдругъ эти темныя горы раздаются, образуя узкій проходъ, похожій на горное ущелье, и вы идете какъ по рѣкѣ, между высокихъ береговъ. Есть ли на нихъ что, или они совсѣмъ пустынные, ночью не было видно ничего. Одни огни мелькавшіе по водѣ у береговъ оживляли картину, говоря о присутствіи человѣка.

Наконецъ, пароходъ входитъ во внутренній рейдъ. Предъ вами вдругъ раскрывается цѣлый амфитеатръ огней, во всѣ стороны. Это—Нагасаки, которое расбросано вокругъ своей почти круглой бухты. Видны были суда, стоявшія на рейдѣ, но, что это за городъ, теперь разобрать было нельзя. Слышенъ былъ только городской шумъ. Какіе-то крики. Можетъ быть, ночные сторожа развивали свои голоса въ ночной тишинѣ.

Не смотря на поздній часъ (было 11 часовъ), къ пароходу подплыло нѣсколько лодокъ: это уже японцы. Сквозь сумракъ ночи мы съ трудомъ разсмотрѣли японскіе „киримоны“ (какъ коверкаютъ это слово моряки). Наши спутники-китайцы перекинулись съ ними нѣсколькими словами. Вотъ онъ и японскій языкъ. Но пока для насъ это были неопредѣленные звуки. Когда-то будемъ и мы также говорить.

Постояли мы на палубѣ съ полчаса. Полюбовались рядами огней, послушали шумъ, долетавшій отъ невидимаго города. Было уже около 12 часовъ, когда мы спустились въ свои каюты, чтобы провести послѣднюю ночь на морѣ.

Спалось однакоже плохо. Мысль, что мы теперь уже въ Японіи, что завтра увидимъ ее, ступимъ на ея почву, не давала заснуть. Долго ворочался я на своей узкой, похожей на гробъ койкѣ. А тутъ еще рядомъ за дверью въ каютъ-компаниі поднялся англійскій разговоръ: пріѣхалъ не то лопманъ, не то какой-то здѣшній агентъ и упорно долго о чемъ-то бесѣдовалъ съ капитаномъ. Подъ ихъ безконечное свистѣнье и шипѣнье, подъ цѣлымъ каскадомъ yes и т. п. мнѣ наконецъ уже далеко за полночь удалось заснуть.

Былъ седьмой часъ утра, когда мы съ о. А. вышли въ каютъ-компанию пить нашъ послѣдній утренній кофе на „Nansen’ъ“. Нашъ Лингоольдъ нарядился въ широкій бѣлоснѣжный фартукъ, напустилъ еще больше важности, по случаю прибытія въ портъ, насколько возможно свѣтлѣе

начистилъ намъ на прощанье сапоги. Было нѣчто праздничное въ его высокой, солидной фигурѣ.

Между тѣмъ въ дверяхъ толпились японцы, въ киримонахъ и въ европейскомъ платьи со всевозможными предложеніями. Одинъ соваль карточку съ адресомъ отеля, другой увѣрялъ на всѣхъ діалектахъ, что онъ прачка, и потому просилъ сдать ему наше бѣлье. Нужно, впрочемъ, отдать имъ справедливость: всѣ эти предложенія дѣлались безъ всякаго нахальства и навязчивости, какъ привыкли мы видѣть въ другихъ портахъ и у другихъ народовъ. Японцы учтивы и вѣжливы. Всегда онъ съ улыбкой, съ вѣжливымъ, но не унижающимся поклономъ.

Послѣ нѣкоторыхъ недоумѣній, мы выбрали наконецъ одного японца, въ европейскомъ платьи, у котораго на карточкѣ стояло: „Кукъ отель“, и сдали ему свои ручныя вещи.

Багажа съ нами набралось очень много. Мой чемоданъ совсѣмъ ступевался предъ какими-то ящиками, которые шли съ нами въ Тоокео. Долго провозились съ нашимъ багажемъ. Таскали, таскали его изъ трюма.. Еще дольше прошла нагрузка его на японскую шлюпку, японцы вообще медлительны. На шлюпкѣ образовалась цѣлая гора, на вершину которой потомъ спустились и мы, простившись съ гостепріимнымъ пароходомъ и его командиромъ.

Поплыли. Нашъ возница былъ еще молодой японецъ въ киримонѣ, съ синими очками на глазахъ. Помощникомъ ему былъ другой помоложе еще безъ очковъ. На берегу насъ уже замѣтили и ступени гранитной набережной покрылись толпой разныхъ носильщиковъ и извозчиковъ: чуяли заработокъ отъ нашей кучи багажа.

Нашъ Феодоръ пришелъ въ неистовый восторгъ при видѣ японцевъ, съ ихъ киримонами и странными возгласами. Ихъ бритыя головы, длинные халаты казались ему очень похожими на сумасшедшій домъ. Ихъ крики заставляли его просто раскатываться со смѣху. Однимъ словомъ, наше приближеніе къ берегу было очень веселое. Съ берега же еще издали намъ кланялись и улыбались „курума“ (извозчики, точный переводъ: „повозка“).

Багажъ нашъ, конечно, расхватили въ минуту, едва и насъ съ Феодоромъ по дорогѣ не захватили. Мы усиленно внушали носильщикамъ, что намъ нужно въ Кукъ-отель,

уже заранѣе предвкушая (особенно я, такъ какъ не сходилъ на берегъ во Владивостокѣ) всю сладость отдохнуть на сухой землѣ послѣ почти двух-мѣсячной жизни въ паровой каютѣ. На этотъ разъ однако не все исполнилось такъ, какъ намъ бы хотѣлось. Наши вещи перенесли въ какой-то пакхаузъ тутъ-же у пристани, потомъ оказавшійся таможенной. И чиновникъ-японецъ въ европейскомъ платьѣ, и носильщики, и извозчики окружившіе насъ толпой, что-то усиленно старались намъ объяснить, улыбаясь, кланяясь и съ большимъ любопытствомъ посматривая на нашего, все еще смѣявшагося Θεодора. Мы, конечно, ничего тутъ не понимали. Старались вбить имъ въ голову: Кукъ-отель, Кукъ-отель... Но ничего изъ этого не выходило.

— „Честь имѣю кланяться. Здравствуйте, батюшка“, вдругъ раздалось за спиной.

Оборачиваемся. Предъ нами по всѣмъ признакамъ русскій, да еще кондѣвый: и выговоръ и все было кондовое, великороссійское (послѣ узнали, что онъ изъ Архангельска).

Мы, конечно, несказанно были рады этой встрѣчѣ, просили его помочь намъ въ этомъ положеніи.

— „То-то я вышелъ въ лавку, гляжу какіе-то батюшки подѣхали. Это, думаю, наши. Пойти помочь“.

Онъ, дѣйствительно, помогъ намъ. Прежде всего сказалъ, что нужно ѣхать къ консулу и попросить у него пропускъ вещамъ. Нанялъ намъ и двухъ дзиньрикиса. Мы съ о. А. отправились, а Θεодоръ остался съ вещами, продолжая служить центромъ для цѣлой толпы японцевъ. Ужъ очень былъ онъ эффектенъ въ своей поддевкѣ и красной рубашкѣ на выпускъ.

Поѣхали первый разъ по японской почвѣ. Въ противоположность Китаю здѣсь очень чисто, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ. Много домовъ европейскихъ, но уже нѣтъ того англійскаго отпечатка, какой носятъ на себѣ всѣ видѣнные нами порты: японцы умѣютъ перенимать чужое, не теряя своего. Городъ при всѣхъ европеейскихъ нововведеніяхъ былъ все-таки японскій. Въ какомъ-то чадѣ пронеслись предъ нами улицы, лавки, японскіе домики, какая-то католическая церковь или монастырь. Видѣли цѣлую женскую школу, шедшую попарно подъ предводитель-

ствомъ католическихъ монахинь. Вотъ оно и миссіонерское дѣло. Понемногу входимъ въ его сферу.

Поднялись на гору, а тамъ недалеко и до консульства. Насъ въ дверяхъ встрѣтилъ японецъ вѣжливо кланявшійся, касаясь своихъ колѣнъ рукой и немного присѣдая. Онъ говорилъ по русски. Прошли на дворъ, потомъ по прелестной дорожкѣ наверхъ въ гору. Тамъ въ маленькомъ домикѣ и было жилище консула.

Онъ все намъ устроилъ. Написалъ и телеграмму въ Тоокео о нашемъ приѣздѣ и о паспортахъ. Внутри Японіи ни одному иностранцу въѣзжать не позволено. Есть только нѣсколько приморскихъ городовъ (въ томъ числѣ и Нагасаки, гдѣ они могутъ жить свободно). Чтобы попасть внутрь страны необходимо запастись отъ японскаго иностраннаго министерства паспортомъ. Мы думали ѣхать на пароходѣ только до Кубе, оттуда же до Тоокео по желѣзной дорогѣ, чтобы имѣть возможность посмотреть страну. Поэтому и понадобились намъ паспорта. Въ заключеніе, консулъ намъ посоветовалъ свой багажъ до отправки оставить на мѣстѣ въ таможнѣ, а потомъ приходить къ нему завтракать.

Возвратились къ нашему Теодору. Взяли свой ручной багажъ и въ сопровожденіи цѣлой толпы японцевъ, большихъ и малыхъ отправились, наконецъ, въ свой Куку-отель. Нашъ любезный новый знакомый и на этотъ разъ помогъ намъ разобраться въ толпѣ слишкомъ услужливыхъ японцевъ.

Въ отелѣ отвели намъ двѣ недурныя комнаты, украшенныя японскими картинами, японской посудой и довольно устарѣлой европейской мебелью, и еще болѣе устарѣлыми европейскими гравюрами. Какъ будто все европейское обречено на вымираніе, и только одному японскому предназначена новая жизнь.

Я прежде слыхалъ о картонныхъ японскихъ домикахъ, — нашъ отель могъ бы служить примѣромъ одного изъ такихъ, хотя онъ и построенъ по европейски. Стѣны его ничто иное, какъ тонкія дощатыя перегородки, сквозь которыя свободно гуляетъ вѣтеръ куда ему вздумается. Окна занимаютъ почти двѣ трети стѣнъ. Зимой, если она здѣсь есть (а должна быть, потому что въ комнатахъ среди мебели виднѣлась и небольшая желѣзная печка, очевидно, для холо-

довъ), зимой здѣсь надо полагать приходится не особенно сладко въ такомъ фонарѣ.

Мы скоро устроились въ нашихъ двухъ комнатахъ. Какъ-то даже и не вѣрилось, что на этотъ разъ наше жилище никуда не пойдетъ, что его не будетъ ничто качать, что не придется привязывать своихъ вещей.

Немедленно явился содержатель гостинницы. Заговорилъ по русски и предложилъ чаю на русскій манеръ. Мы чай уже пили, но ради такого важнаго событія нельзя еще не попробовать, тѣмъ болѣе уже не кипятку съ перцемъ, а настоящаго чаю. Мы попросили подать чаю и потомъ, когда придетъ время, накормить обѣдомъ и нашего Θεодора, пока мы поѣдемъ завтракать въ консульство.

Послѣ завтрака, за которымъ консуль распрашивалъ насъ о нашемъ путешествіи, а еще болѣе рассказывалъ намъ разныя вещи про Японію, онъ повелъ насъ въ русскую больницу (морскую). Она тутъ же на томъ же дворѣ. Рядомъ съ нею небольшая часовенка. Больныхъ еще никого не было (эскадра во Владивостокѣ). Вездѣ просторно, воздуху много. Должно быть внимательно содержится эта больница.

Отсюда мы думали было пойти осматривать городъ, но надвигавшаяся туча заставила насъ поспѣшить въ Куку-отель

Пришли къ Θεодору, благодушно стоявшему на верандѣ въ одномъ жилетѣ и красной рубашкѣ. Онъ остался вполне доволенъ завтракомъ. Подавали, говорить, безъ конца. Оно и понятно: у англичанъ въ отеляхъ и на пароходахъ подается масса блюдъ, чтобы можно было выбрать. Θεодоръ, конечно, не зналъ ни англійскаго языка, ни англійскихъ обычаевъ, и потому терпѣливо съѣлъ все, что только ему ни подавали японцы. Прибавьте къ этому еще его фигуру, возсѣдающую за изящно накрытымъ столомъ, съ вилкой и пожемъ въ рукахъ, любующагося на поставленную въ стаканъ вѣромъ салфетку. Мы съ о. А. долго и неудержимо смѣялись, воображая этотъ парадный обѣдъ нашего Θεодора.

На слѣдующій день выходилъ изъ Нагасаки въ Кобе пароходъ японскаго пароходнаго общества: „Якоһата-маги“. На немъ и намъ нужно было ѣхать. Вмѣстѣ съ консульскимъ переводчикомъ, весьма приличнымъ молодымъ япон-

цемъ (впрочемъ, всѣ японцы покуда они не совсѣмъ постарѣли, кажутся чуть не юношами. Иному на видъ нельзя дать больше 18 или 20 лѣтъ, а на дѣлѣ ему за 30), мы отправились по городу за билетами на пароходъ, а такъ какъ пароходъ оказался такъ нагруженнымъ, что не могъ принять нашего багажа, то пришлось обратиться въ транспортную контору, предварительно размѣнявъ деньги на японскія ассигнаціи.

Эти послѣднія, какъ и все въ Японіи, представляютъ изъ себя нѣчто замѣчательное. Каждая изъ нихъ украшена какимъ-нибудь, довольно тщательно отдѣланнымъ рисункомъ и непременно съ юмористическимъ оттѣнкомъ. Нѣкоторыя такъ прямо просятся въ какой-нибудь каррикатурный журналъ. Особенно часто повторяется фигура какого-то толстаго, пузатаго господина на коротенькихъ ножкахъ съ мѣшкомъ денегъ и съ прекуръезной усмѣшкой на своихъ толстыхъ губахъ. Послѣ узнали, что это богъ богатства. Довольно своеобразное, чтобы не сказать больше, отношеніе къ предметамъ религіознаго почитанія.

Въ транспортную контору проѣхали чрезъ японскую часть города. Вездѣ движеніе, толкотня, шумъ. Нашъ поѣздъ, особенно наши костюмы (мы были, конечно, въ своемъ духовномъ платьи) привлекали всеобщее вниманіе. Но не видно было ни одного непочтительнаго жеста, даже взгляда. Очень деликатный народъ. Можетъ быть, впрочемъ, здѣсь они привыкли видѣть нашимъ судовыхъ священниковъ, когда здѣсь зимуетъ наша эскадра.

Транспортная контора помѣщалась въ обыкновенномъ японскомъ домикѣ, маленькомъ, чистенькомъ, картонномъ. Стѣна, выходившая на улицу, была на треть или на двѣ раздвинута и мы съ улицы, безъ всякихъ подъѣздовъ и лѣстницъ, прямо попали въ самое присутствіе. Небольшая комната на двѣ трети была занята возвышеніемъ въ родѣ наръ на аршинъ или немного менѣе отъ пола. На этомъ возвышеніи постланы были циновки, стояла небольшая жаровня съ угольями не столько для тепла, сколько для трубокъ. Около этой жаровни сидѣли четверо японцевъ, поджавъ подъ себя ноги и потягивая свои миньятюрныя трубочки, которыя они то и дѣло выколачивали о край жаровни, чтобы тутъ же набить и закурить ихъ снова. Для

насъ поставили стулья въ оставшейся свободной отъ нарѣ части комнаты; полъ здѣсь былъ просто земляной: эта часть была, очевидно, чѣмъ-то въ родѣ сѣной или прихожей. Намъ подали на маленькомъ кругломъ подносѣ три еще болѣе маленькія чашки зеленаго чая, безъ сахару, безъ всего. На вкусъ что-то неопредѣленное, въ родѣ нашего спитаго чая. Впрочемъ, это только съ непривычки.

Мы скоро здѣсь отдѣлались, вернулись домой, гдѣ зашелъ къ намъ консулъ и долго описывалъ намъ, какъ и что нужно на пути посмотрѣть, только едва ли придется воспользоваться его совѣтомъ. Теперь мы не знаемъ ни языка, ни обычаевъ здѣшнихъ. Неужели и здѣсь опять идти на буксирѣ за какимъ-нибудь гидомъ, который не столько объясняетъ, сколько надобѣдаетъ и сбиваетъ съ толку. Лучше ужъ погодить, когда освоимся здѣсь.

Въ пять часовъ мы были уже на палубѣ „*Yokohama-maru*“.

Это былъ очень большой пассажирскій пароходъ о трехъ мачтахъ. Внутри отдѣланъ прекрасно, почти роскошно, гораздо лучше нашихъ Добровольныхъ, нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ. Каютъ-компанія перваго класса вся бѣлая, покрыта по стѣнамъ позолотой и японскими рисунками. Освѣщеніе электрическое. Прекрасный пароходъ.

Пассажировъ съ нами много и кажется всѣхъ націй. Есть и англичане, есть и французы, и русскіе. О. А. нашелъ среди нихъ одного своего знакомаго по Владивостоку. Онъ ѣхалъ въ Америку и оттуда въ Петербургъ. Съ нимъ былъ какой-то англичанинъ, служившій въ Сибири на принскахъ. Онъ всю дорогу смѣшилъ насъ своимъ курьезнымъ русскимъ языкомъ. Трудно всемъ намъ дается наша грамата.

Всѣ разбились на нѣсколько компаній по націямъ. Сходимся только за обѣдомъ. Англичане свистятъ и шипятъ, за обѣдомъ священнодѣйствуютъ, а послѣ обѣда дурачатся по палубѣ или прѣважно, поднявши носъ, моціонятъ. Французы всегда какъ на иголкахъ, точно собираются сказать вамъ какой-нибудь каламбуръ и при томъ гнусятъ немилосердно. Китайцы (здѣсь прислуга-китайцы) препротивно „уакаютъ“. Японцы тараторятъ и кланяются. Столпотвореніе!

Идемъ теперь по внутреннему морю, которое славится

живописностью своихъ береговъ. Дѣйствительно, можно за-
смотреться по временамъ. Только здѣсь уже нѣтъ того ве-
личія, какъ мы видѣли въ другихъ мѣстахъ. Природа здѣсь
только красива: маленькія долины, маленькія бухты, все
это раскрашено въ самые нѣжные цвѣта. Все это такъ на-
поминаетъ японскій садъ съ его искусственно миньятюр-
ными деревьями. Это тоже море, тотъ же, если угодно,
Босфоръ, но все это въ миньятюрѣ, все это перенесено на
акварель.

Офицеры на пароходѣ все иностранцы, главнымъ обра-
зомъ, конечно англичане: японцамъ европейцы не очень еще
довѣряютъ. Есть впрочемъ, одинъ и японецъ, какой-то за-
битый въ своемъ форменномъ съ галунами сюртукѣ.

Завтра надѣмся придти въ Кообе. Пришли ли тамъ наши
паспорты? Если пришли, можетъ быть въ тотъ же день
отправимся далѣе. А тамъ и Тоокео скоро увидимъ.

ПИСЬМО IX.

20 Октября. Тоокео.

Итакъ, конецъ странствованію съ его вѣчнымъ недѣла-
ніемъ, конецъ вѣчной смѣнѣ людей и мѣстъ. Пишу уже
не на пароходѣ и не въ гостинницѣ, а на сухомъ пути и
въ своей комнатѣ. Какъ-то Богъ приведетъ пожить здѣсь
и приняться за здѣшнее дѣло.

О концѣ своего странствованія не хочется уже и гово-
рить, все это прошло, отжило свое время, теперь интере-
суетъ болѣе настоящее и будущее. Впрочемъ, докончить
нужно, тѣмъ болѣе, что и осталось не много.

17 Октября, часовъ въ 6 утра „Jokohama-magi“ бросилъ
якорь въ Кобе. Нужно было вставать и навсегда прощать-
ся съ моремъ. Китаецъ слуга подаль намъ tee (чай). Пока
шло наше вставанье и сборы, въ нашу дверь кто-то поже-
лалъ намъ „добгава ждаровья“. Неужели думаю, жидъ?
Обернулся... такъ и есть.

Предъ нами стоялъ средняго роста человѣкъ, очень при-
лично одѣтый, „пейши“, конечно, острижены, по француз-
ски и англійски говоритъ отлично, но чуть пустится въ рус-
скій языкъ, сейчасъ же у него посыплотся и „ждаговья“
и пр. Прямо—„изъ насихъ“.

Этотъ господинъ оказался комиссіонеромъ французской гостиницы, въ которой „увшѣ рушкія“ останавливаются. Безъ дальнѣйшихъ разговоровъ мы приняли предложеніе нашего „земляка“.

Часовъ въ 8 мы сѣли въ лодку, оставляя пароходъ и море можетъ быть навсегда. Помнится у Гончарова описывается это разставанье съ моремъ. Жалко, говоритъ онъ, было покинуть эту великую, грозную стихію, которая бываетъ подъ часъ такъ негостепріимна и къ которой все-таки привыкнешь, сроднишься. Не знаю, испытали ли мы тоже самое, только взглянуть на море послѣдній разъ и намъ захотѣлось. Мы не разъ оборачивались съ лодки и на пароходъ, и на рейдъ, и на уходящую въ безконечность синеву моря.

Съ паспортами особенной задержки не произошло. На первый разъ, правда, въ нѣмецкомъ консульствѣ (русскаго тогда въ Кобе не было) на нашъ вопросъ, пришли ли для насъ паспорта, отвѣтили отрицательно. Предстояла опасность просидѣть лишнія сутки въ Кобе. Но чрезъ часъ мы уже держали въ рукахъ по толстому листу глянцевиной бумаги, а на этомъ листѣ стояли китайскія и японскія буквы, краснѣли два огромныхъ штемпеля тоже съ іероглифами, и среди всего этого одиноко виднѣлись наши имена, написанныя по французски. Теодоръ, хотя и не умѣетъ читать по русски, однако и онъ не мало подивился странной граматкѣ паспорта: „Кесь, ноты“, повторялъ онъ нѣсколько разъ. Хорошее во всемъ этомъ было то, что мы въ тотъ же день могли отправиться въ дальнѣйшій путь.

Консулъ въ Нагасаки совѣтовалъ намъ по дорогѣ осмотрѣть замѣчательныя мѣста Японіи: Осака, Кіото, Нагоя. Кто ѣдетъ въ Японію первый разъ и не намѣренъ оставаться въ ней долго, тому, конечно, обязательно осмотрѣть все это, особенно японскую Москву—Кіото, гдѣ наиболѣе характерно раскрывается японская жизнь и нравы. Но мы рѣшили ѣхать прямо въ Тоокёо. Для осмотра необходимы по крайней мѣрѣ два дня, а намъ нужно было торопиться, пора было уже кончать свое скитаніе. Съ другой стороны, перспектива опять идти на буксирѣ за какимъ-нибудь гидомъ, ничего хорошенько не понимая, была далеко не привлекательна, тѣмъ болѣе, что потомъ придется, можетъ быть,

не разъ здѣсь побывать и тогда уже безъ гйда все понимать и осмотрѣть. Мы взяли билеты прямо въ Тоокоо.

Въ шесть часовъ вечера отходилъ поѣздъ, поэтому въ полчаса шестаго мы были уже на станціи. Станція, конечно, ничего особеннаго не представляетъ. Въ залѣ для пассажировъ посрединѣ столъ, заваленный газетами, конечно, японскими. Около него нѣсколько молодыхъ японцевъ (или по крайней мѣрѣ казавшихся на нашъ европейскій глазъ молодыми) читало газеты, преуморительно бормоча вслухъ нѣсколько на распѣвъ. Публика больше въ халатахъ и въ „гета“ (обувь, что-то въ родѣ скамеечекъ деревянныхъ, которыя прикрѣпляются къ ногамъ ремнемъ или бичевкой). Какая-то бабушка съ чернепыми зубами ¹⁾ принесла на спинѣ своего внука, въ маленькомъ разноцвѣтномъ халатикѣ и вязаной шапочкѣ. Здѣсь дѣти вообще очень милы, въ своихъ пестрыхъ халатахъ съ широкими рукавами, которыя чуть не тащутся по землѣ, они очень напоминаютъ бабочекъ. Головы у дѣвочекъ острижены въ скобку, а на затылкѣ выбрито гуменце. Поясъ при этомъ широчайшій и яркаго цвѣта. Взрослые носятъ цвѣта болѣе скромные, больше черный и темносиній, также сѣрый. Длинный до пяти халатъ съ широкими рукавами перехватывается поясомъ шириной вершка въ два или въ три, онъ обматывается около туловища раза три или четыре. Женщины сверхъ того привѣшиваютъ къ поясу на спинѣ что-то такое непонятное, не то подушку, не то просто кусокъ матеріи, свернутый въ нѣсколько разъ. Это непонятное прибавленіе обычно бываетъ съ узорами, и повидимому служить предметомъ щегольства. Волосы страшно намащены и причесываютъ весьма замысловато. Мужчины вообще одѣты солиднѣе и проще, молодые люди не всѣ даже имѣютъ и шелковый поясъ, опоясаны просто бѣлымъ, холщевымъ. У каждаго за поясомъ виднѣется мѣшечекъ съ табакомъ и миньютюрная трубочка, у нѣкоторыхъ сверхъ того виднѣется цѣпочка отъ часовъ: это уже европейское нововведеніе. Нѣкоторые были и въ полномъ европейскомъ костюмѣ, который, по правдѣ сказать, всегда на

¹⁾ До реформы японскія женщины, выходя замужъ, чернили свои зубы. Теперь этотъ обычай выводится. Изрѣдка развѣ можно встрѣтить какую-либо бабушку съ чернымъ ртомъ.

японцѣ и грязнѣе и хуже сидить, чѣмъ его природный, очень изящный и очень солидный костюмъ. Многіе мужчины, если не всѣ были въ шляпахъ европейскаго образца, волосы острижены по европейски, и только двое какихъ-то поселянъ, съ невѣроятными котомками за плечами блистали своими древне-японскими прическами. Лобъ и вся верхняя часть головы выбрита клиномъ къ затылку, а оттуда торчитъ небольшая косичка, какъ-то сложенная въ двое, и завязанная. Шапки къ такому убору не полагалось. Видъ ихъ былъ можетъ быть болѣе сѣръ, но за то болѣе простъ и добродушенъ. Должно быть и здѣсь, какъ у насъ, эти качества ушли изъ городовъ въ села.

Все это приходило и уходило, постукивая своей деревянной обувью, и непремѣнно кланяясь и улыбаясь другъ другу. Особенно старательно раскланивались при прощаньи. Руки сложенные вмѣстѣ опускались до ступеней, голова наклонялась по возможности низко. А такъ какъ сразу нельзя точно разсчитать разстоянія до своего собесѣдника, то, чтобы не стукнуться лбами, японцы кланяются немного въ сторону другъ отъ друга, слегка поворачивая голову къ своему собесѣднику и продолжая непрерывно шипѣть и какъ-то странно всхлипывать, приговаривая, надо полагать самыя пріятныя вещи. На первый разъ довольно занимательно.

Рѣзкое исключеніе представляла группа англичанъ съ какимъ-то reverend ¹⁾ въ центрѣ. Reverend что-то расписывалъ своимъ слушателямъ, должно быть о миссіи, а слушатели сидѣли странно вытянувъ шеи, какъ гуси, и недоумѣвающе посматривали на все ихъ окружающее. Очевидно, путешественники.

Третій звонокъ. Всѣ поспѣшно скрываются въ вагоны. Поѣздъ трогается, свиститъ и, наконецъ, уходитъ отъ станціи и города, быстро проносящагося мимо насъ. Мы смотримъ на окрестности, на море, на пашни, но все это скоро скрывается отъ глазъ подъ покровомъ ночи. Видиются вдали темныя силуэты горъ, мелькаютъ какіе-то огоньки по темнымъ полямъ, иной разъ различишь лѣсъ, бамбуковая чаща появится съ той и другой стороны поѣзда. Но все это въ темнотѣ, все это сливается въ безразличіе. По

¹⁾ Обычный титулъ англиканскаго священника.

временамъ остановка у станціи. По деревянной платформѣ раздается разнообразная стукотня „гета“, проходятъ съ огромными связками за плечами поселяне, пробѣжитъ съ лампой желѣзнодорожный служитель, раздастся искаженный, почти брюшной голосъ мальчика съ какимъ-нибудь товаромъ, съ чаемъ, апельсинами и пр. Потомъ звонокъ, свистокъ, и поѣздъ снова мчится въ темнотѣ, разбрасывая по полямъ свои искры.

На утро картина перемѣнилась. вмѣсто непроглядной тьмы въ окна вагона теперь смотрѣла безконечная зелень и зелень. Всюду зелень, и все такая свѣжая, хорошая. По горамъ виднѣлись лѣса, больше сосновые, съ непривычными для насъ раскидистыми соснами. Кругомъ все воздѣланныя поля, и воздѣланныя съ замѣчательной аккуратностью, даже щегольствомъ. Повидимому, каждый земледѣлецъ хотѣлъ не только пользы отъ своего участка, но желалъ видѣть въ немъ и красоту. Встрѣчаются очень часто деревеньки, своими соломенными крышами сильно напоминающія нашу русскую деревню. Потомъ пошли горы, долины, туннели, мосты. Мѣстность сдѣлалась чрезвычайно живописной. Не говорю уже о японской священной горѣ: Фудзи-яма (или санъ), въ переводѣ: безлѣсная (что-то въ родѣ: „лысой“ въ Кіевѣ). Она своей уходящей въ небеса, конической, сахарной отъ снѣга вершиной господствуетъ надъ всѣмъ, и дѣйствительно, заслуживаетъ того удивленія и почитанія, какое отдаютъ ей японцы. На нее можно смотрѣть по цѣлымъ часамъ и никогда она вамъ не надоѣстъ, не покажется однообразной.

Поѣздъ долго обходилъ ее, нѣсколько станцій находятся у ея подошвы. Потомъ пошелъ берегъ моря: это уже Тихій океанъ въ собственномъ смыслѣ. Вотъ Йокохама съ ея огромнымъ и постоянно люднымъ вокзаломъ. Здѣсь на поѣздъ сѣли нѣсколько иностранцевъ, наполнившихъ нашъ вагонъ. Йокохама одинъ изъ тѣхъ городовъ, гдѣ дозволено поселяться и торговать иностранцамъ. Это главный портъ всей Японіи. Отсюда прямой путь въ Америку и изъ Америки. Для Тоокёо, гдѣ нѣтъ пристани по мелководью залива, Йокохама служитъ чѣмъ-то въ родѣ нашего Кронштадта. Поэтому, движеніе между столицей и ея портомъ всегда самое оживленное.

Еще пятьдесятъ минутъ, и мы въ Тоокёо. Справа снова

раскрылось безконечное море съ шлюпками, маленькими островками на немъ, слѣва пошли улицы и переулки японской столицы. Домики больше маленькіе, низенькіе, съ картонными стѣнами, точнѣе ширмами вмѣсто стѣнъ. Промелькнуло какое-то странное зданіе въ родѣ башни (это, какъ узнали потомъ, ничто иное, какъ смотрѣльня: въ хорошую погоду японцы отправляются туда смотрѣть окрестные виды). Наконецъ, вотъ и станція. Съ удовольствіемъ расправили мы свои уставшіе члены, захватили багажъ и вышли на деревянную платформу. Среди спѣшащей, стучащей „гетами“, и не перестающей кланяться и улыбаться толпы, мы добрались до выхода. Тамъ цѣлая армія дзинрикиси расхатывала пассажировъ, умильно приглашая въ числѣ другихъ и насъ въ свои маленькія повозки.

„Суругадай. Николай“, нѣсколько разъ повторили мы заученную фразу. Извозчикъ сдѣлалъ самый придворный реверансъ, покрылъ ноги мнѣ пледомъ, хотя было совсѣмъ не холодно, скорѣе жарко, и мы поѣхали. Впереди, конечно, по величинѣ бороды ѣхалъ Θεодоръ со своимъ саквояжемъ и зонтомъ, въ красной рубахѣ и поддевкѣ.

Тоокео очень обширный городъ. Мнѣ даже говорили, что по пространству это первая столица въ мірѣ. Когда-то здѣсь жилъ сегунъ, военный властитель Японіи, который воздавая мишурныя почести настоящему властителю-микадо, лишилъ его всякой силы и даже богатства. Все было у сегуна. Ему же были непосредственно подчинены и всѣ даймеоны, владѣтельные князья, между которыми была подѣлена Японія. У сегуна было, конечно, много войска, были вассальные князья и самураи. Всѣ они жили здѣсь, въ Тоокео. Чтобы держать въ подчиненіи и остальныхъ даймеоновъ, сегунъ принуждалъ и ихъ жить здѣсь же. Даймеонъ приходилъ, конечно, тоже съ войскомъ, съ челядью. Для этого каждый изъ нихъ имѣлъ здѣсь обширный дворецъ, съ садами, съ всевозможными постройками. Неудивительно, что Тоокео раскинулось на необыкновенную широту. Теперь, когда сегунству пришелъ конецъ, когда уничтоженъ весь феодальный строй, дворцы даймеоновъ куплены правительствомъ и сломаны, огромная толпа самурасвъ разсѣяна и въ Тоокео теперь гораздо тише и безлюднѣе. На мѣстѣ дворцовъ лежатъ пустыри, покрытые

зеленую, изрѣдка деревьями. За то другая жизнь начинается бить ключемъ. На окраинахъ, гдѣ прежде жили нечиновные люди, купцы, ремесленники, жизнь продолжается также. Много еще тамъ японскихъ построекъ, японскихъ костюмовъ, но рядомъ съ ними все болѣе и болѣе начинаютъ появляться европейскія нововведенія и въ костюмѣ и въ постройкахъ. Развивается промышленность и торговля, появляются заводы. Начинается новая жизнь европейская, торгашеская, жаждущая наживы. Впрочемъ, этого не мало было и въ старой Японіи только въ другой формѣ.

На первыхъ улицахъ отъ станціи европейскаго очень много, даже конка существуетъ, и притомъ самая ординарная, ничего особеннаго не представляющая, даже такая же грязная, какъ и въ Европѣ. Проѣхавши нѣсколько улицъ, выезжаете на пустырь, окружающій императорскій дворецъ-крѣпость съ огромными валами и каналами. Дворецъ стоитъ за нѣсколькими стѣнами и его простому смертному видѣть не придется. Только конекъ крыши можно разсмотрѣть чрезъ стѣну.

Мы проѣхали мостъ, нѣсколько крѣпостныхъ воротъ, полюбовались на конекъ дворца изъ-за самой послѣдней стѣны, еще нѣсколько воротъ и рововъ, и предъ нами снова кипучая жизнь, снова шумъ и бѣготня. Но наше вниманіе приковалъ холмъ, царящій надъ всѣмъ этимъ круговоротомъ, а на холмѣ бѣлѣлъ нашъ православный храмъ, сіяя своимъ крестомъ на чистомъ небѣ. Вотъ оно, это знамя Христово, поднятое изъ самой середины язычества, смѣло проповѣдавшее Христа предъ лицомъ всего міра. Невольно снялись наши шляпы, хотѣлось молиться о томъ, чтобы и намъ послужить, насколько можемъ, подъ стѣнію этого знамени, для славы этого св. Креста. Да, многое, многое говорилось про этотъ соборъ. Были люди отдававшіе свои послѣдніе гроши на него. Но были и хулители и, конечно, есть и теперь, которые всячески стараются какъ-нибудь обругать это святое дѣло, не пропускаютъ случая предъ всякимъ и нашимъ и чужимъ бросить камнемъ въ миссію и ея соборъ. Но не могутъ повредить ей ихъ дѣтскіе уколы. Дѣло Божіе стоитъ имѣя печать Божію, и не боится этого лаянія. Говорили, что соборъ этотъ бесполезенъ. Можетъ быть для цѣхъ, которые въ церковь приходятъ только на

царскіе молебны, да на насху, и то для того, чтобы сдѣлать, такъ сказать, предисловіе къ разговѣнію. Я былъ среди христіанъ, вдали отъ собора, въ Кеото, гдѣ свилъ себѣ гнѣздо буддизмъ, гдѣ построенъ католическій храмъ, гдѣ протестанты имѣютъ университетъ, гдѣ вообще силы міра какъ-бы поглощаютъ ничтожную волну православія. Я былъ тамъ и знаю, съ какимъ торжествомъ говорятъ немногіе тамъ православные о нашемъ тоокейскомъ соборѣ. Онъ для нихъ тоже, что св. Софія для грековъ, или новгородцевъ, это ихъ видимый центръ, ихъ знамя, ихъ опора въ малодушіи, залогъ ихъ будущаго торжества. Нужно знать японскую церковь, чтобы построить этотъ соборъ и чтобы правильно оцѣнить его величайшее значеніе для нея.

Конечно, ничего объ этихъ нападкахъ, этой безпричинной ненависти къ святому дѣлу нашей миссіи мы тогда не знали. Мы видѣли только ее съ ея епископомъ, видѣли его соборъ, его великое дѣло.

Наши возницы бѣжали однако очень быстро. Скоро мы были у самаго Суругада и миссіи. Мы вѣхали на миссійскій дворъ. На право были двухэтажныя зданія, помѣщенія миссіи, на лѣво высился вполне уже оконченный (но еще не освященный) соборъ. На подъѣздѣ дома встрѣтило насъ нѣсколько молодыхъ японцевъ, улыбающихся и кланяющихся, еще болѣе привѣтливыхъ, чѣмъ всѣ доселѣ видѣнные. По русски никто изъ нихъ не говорилъ, но всѣ понимали, кто мы и чего намъ нужно, тѣмъ болѣе, что слово: „Николай“ повторялось каждымъ изъ насъ безконечное число разъ. Намъ указали входъ въ пріемную епископа. Входимъ. Весьма маленькая комнатка, стѣны увѣшаны разными гравюрами, стоитъ столъ, диванъ, нѣсколько стульевъ, въ общемъ очень тѣсно и темновато. Преосв. Николай тутъ не было, онъ былъ на верху, куда вела лѣстница изъ тѣхъ же стѣнъ.

Долго намъ ждать не пришлось. Мы хотѣли было направиться на верхъ, какъ съ лѣстницы быстро спустился очень высокій человѣкъ въ подрясникѣ, въ длинной шейной цѣпочкѣ отъ часовъ, въ вышитомъ поясѣ. Это и былъ нашъ епископъ Николай, тридцать слишкомъ лѣтъ и день и ночь работающій на здѣшней трудной, невоздѣланной нивѣ.

— „Милости просимъ, быстро заговорилъ онъ, благословляя насъ широкимъ крестомъ. Пожалуйте въ гостинную“.

Салонъ, носившій торжественное названіе гостинной, и былъ той темноватой клетушкой, которую мы только что осмотрѣли.

Перекинувшись съ нами нѣсколькими словами въ такъ называемой гостинной, преосв. повелѣ насъ, быстро, какъ всегда, вверхъ по лѣстницѣ въ наши комнаты, которыя были приготовлены и ждали только нашего приѣзда. Прошли по дорогѣ чрезъ младшій классъ здѣшней семинаріи. Ученики сидятъ по японски на полу, поджавъ подъ себя ноги. Въмѣсто партъ предъ ними стоятъ низенькія и длинныя скамейки. Шелъ урокъ китайскаго языка и маленькіе японцы старательно выводили большими кистями самыя невозможныя китайскіе іероглифы. Учитель съ кафедры закричалъ, зашипѣлъ и совсѣхъ разсыпался въ реверансахъ. Это былъ старичекъ, маленькій, худой, бритый. По словамъ преосв., онъ уже давно принялъ христіанство; теперь его сынъ учится въ Петербургѣ, въ Духовной Академіи.

Усадивъ насъ за чай, преосв. побѣждалъ собирать свою молодую паству въ церковь: по случаю нашего приѣзда нужно было служить благодарственный молебенъ.

Церковь помѣщалась въ томъ же зданіи, рядомъ съ классомъ, только что видѣннымъ нами. Она была уже тѣсна, вмѣщала почти однихъ только учениковъ и ученицъ нашихъ школъ. Собора ждали всѣ: народу теперь приходилось стоять въ сѣняхъ и на лѣстницѣ, а то и совсѣмъ не удавалось ни слышать ни видѣть ничего.

Мы стали на клиросъ. Церковь между тѣмъ наполнялась. Пришли по парно тихо, какъ овцы, ученицы женской школы съ нѣсколькими учительницами. Побойчѣе, но тоже, сравнительно съ нашими, совсѣмъ скромно вошли и размѣстились семинаристы. Началась служба.

Служилъ самъ преосв. съ японскимъ священникомъ и діакономъ. Служили всѣ на японскомъ языкѣ, только преосв., по случаю нашего приѣзда, говорилъ возгласы и читалъ евангеліе по славянски. Пѣлъ хоръ вообще очень хорошо. Пѣло человѣкъ сто изъ учениковъ и ученицъ. Напѣвы, конечно, всѣ наши, только слова другія. Діаконъ также нѣсколько параситѣвъ говорилъ ектеніи, только голосъ его

не имѣлъ ничего оглушающаго, рычащаго, какъ у нашихъ русскихъ протодіаконовъ.

Помолившись мы возвратились въ свою комнату, гдѣ сошлись почти всѣ здѣшніе обитатели. Нѣкоторые спрашивали насъ о путешествіи, о Россіи, нѣкоторые, не зная языка, только привѣтливо улыбались и кланялись, обращаясь иногда за помощью къ преосв. или къ кому-нибудь другому, знающему русскій языкъ.

Послѣ преосв., на этотъ разъ оставившій свои занятія, обвелъ насъ по всѣмъ своимъ владѣніямъ. Прежде всего, конечно, въ соборъ.

Онъ съ внѣшней стороны совсѣмъ готовъ. Теперь приступаютъ къ постановкѣ иконостаса, вѣшаютъ паникадила и производятъ тому подобныя внутреннія и заключительныя работы. Соборъ выстроенъ въ строго-византійскомъ стилѣ, въ основаніи греческій крестъ, внутри ни одной колонны, такъ что куполъ покоится на аркахъ и потому море свѣта и простора. Западные двери ведутъ сначала въ притворъ, по правую сторону котораго помѣщается крещальня, сооруженная на пожертвованія однихъ японскихъ христіанъ, налѣво раздѣвальня: тамъ устроены полки для „гета“ учениковъ и вообще всѣхъ посѣтителей храма. Предполагается полъ затянуть ковромъ, поэтому всѣ должны будутъ оставлять свою обувь при входѣ. Надъ притворомъ во второмъ этажѣ помѣщается ризница, а надъ нею висится колоколья. Соборъ стоитъ на самомъ ребрѣ холма Суругадай, своей восточной и южной стѣной выходя къ обрывамъ холма. Холмъ здѣсь обдѣланъ камнями. Въ южныя боковыя двери собора упирается лѣстница снизу (теперь еще только предварительныя мостки). Подъ горой стоитъ довольно широкой японскій домъ. Здѣсь теперь живутъ младшіе семинаристы. Но это только до времени: домъ назначенъ къ сломкѣ, такъ какъ уже и старъ и такъ какъ мѣсто его нужно для лѣстницы и пр. Восточный выходъ собора находится прямо противъ главныхъ миссійскихъ зданій, которыя идутъ вязью, два корпуса вмѣстѣ. Здѣсь помѣщается тсперешняя церковь, жилище епископа, его канцелярія, жилища миссіонеровъ, нѣкоторыхъ учителей академиковъ (холостыхъ), классы семинаріи, живутъ ученики катехизаторскаго училища и пр. Это что-то въ родѣ Носва ковчега по множеству и разнообразію своихъ обитателей.

Вторая группа миссійскихъ зданій помѣщается особо, на другой улицѣ, но съ угла на уголъ съ первой группой. На самомъ углу стоитъ японское зданіе женской школы, или нашего епархіальнаго училища. Воспитаницъ теперь до восьмидесяти, но нѣсколько приходящихъ, остальные живутъ здѣсь. Мы обошли ихъ помѣщенія, конечно, сбросивъ наши варварскіе сапоги. Тутъ встрѣтила насъ Анна-санъ, престарая христіанка-японка, которая не смотря на лѣта неутомимо продолжаетъ возиться со своими воспитанницами. Повидимому, очень хорошая начальница: ученицы всѣ любятъ ее и слушаютъ. Намъ показали, какъ онѣ учатся готовить кушанье. Мы были въ подрясникахъ (преосв. велѣлъ снять рясы и не разниться отъ нихъ въ костюмѣ), но шитыми поясами еще не запаслись; Анна-санъ сейчасъ это сообразила и въ тотъ же вечеръ принесла намъ по поясу, — это труды ея воспитаницъ.

Тутъ же на дворѣ помѣщеніе здѣшнихъ живописицъ. Одна японка училась церковной живописи въ Петербургскомъ женскомъ монастырѣ и теперь трудится здѣсь.

Рядомъ со школой квартира отца Павла Сато, священника, который причисленъ къ собору. Живетъ онъ здѣсь со своею Прасковьею-санъ, супругой и многими дѣтьми. Эта парочка довольно замѣчательна. О. Павелъ одинъ изъ первыхъ обращенъ въ христіанство. Было время, когда онъ носилъ саблю и дрался, какъ и прочіе самураи. Прасковья-санъ была самой рьяной язычницей, усердно кланялась разнымъ идоламъ въ „мія“ (синтоистическій храмъ) своего города. О. Павелъ былъ человѣкъ воинственный и не особенно нѣжный со своей женой. Но вдругъ онъ дѣлается и тихимъ и незлобивымъ. Прасковья-санъ беретъ бразды правленія въ свои руки. Начинаетъ господствовать надъ бѣднымъ о. Павломъ. Дошло дѣло до того, что когда о. Павелъ какъ-то сказалъ Прасковье-санъ, что чурбанамъ да еще такимъ безобразнымъ кланяться не нужно, то Прасковья-санъ перешла совсѣмъ въ наступленіе и прежнему воинственному самураю порядочно попало отъ его расхोдившейся супруги. Онъ, однако, къ ея удивленію, все перенесъ молча, не возражая и не защищаясь. Повторялось это нѣсколько разъ, о. Павелъ только молчалъ или уходилъ. Наконецъ, одинъ разъ Прасковья-санъ стала на ко-

лѣни предъ своимъ богомъ, ударила въ ладони, сложила обычно руки, приготовилась совсѣмъ къ молитвѣ. Вдругъ ей припомнились слова ея мужа: зачѣмъ кланяться чурбанамъ? Развѣ Богъ можетъ быть въ такомъ безобразіи? Молитва отлетѣла отъ Прасковьи-санъ, она невольно разглядывала безобразную, каррикатурную фигуру, предъ которой собралась молиться. „Дѣйствительно, вѣдь, это чурбанъ, и притомъ самый безобразный“. Неужели онъ услышитъ и спасетъ? Чрезъ нѣсколько времени Прасковья-санъ уже знала секретъ ея мужа, почему онъ сталъ такой тихій и жалостливый, она тоже вѣровала во Христа, а еще чрезъ нѣсколько времени, она была уже Прасковьей, носила крестъ, и не молилась болѣе чурбанамъ. — Теперь эта чета живетъ собѣ мирно, оба уже старики, имѣютъ многихъ дѣтей, всѣ христіане. О. Павелъ иной разъ загруститъ, захандритъ, Прасковья своимъ неистощимымъ благодушіемъ все поправляетъ.

У нихъ мы пили чай, съ японскимъ пирожнымъ. О. Павелъ благодушно посмѣивался, не имѣя чего сказать намъ, такъ какъ не зналъ русскаго языка, а Прасковья, кланяясь, угощала насъ пирожнымъ и чаемъ.

Далѣе, по улицѣ и рядомъ съ квартирою о. Павла, домикъ, въ которомъ помѣщается редакція здѣшняго церковнаго журнала и переводовъ. Наконецъ, обширный дворъ и общежитіе семинаристовъ. Все это зданія уже старыя, обветшавшія. Все требуетъ перестройки, но куда еще не до нихъ, нужно кончить храмъ. Народу здѣсь не было никого: еще всѣ были въ главномъ корпусѣ на урокахъ. Теперь въ семинаріи два класса: первый и пятый. Здѣсь ученики набираются не ежегодно, а случайно, если найдется достаточное количество желающихъ учиться, сейчасъ и открывается (конечно, съ начала учебнаго года) новый курсъ. Въ общемъ программа таже, что и въ нашихъ семинаріяхъ, только японцы освобождены отъ классической обузы, которая такъ тормозитъ наше богословское ученіе и во многихъ отношеніяхъ портитъ его и замедляетъ. Японцы не учатъ латыни, однако живы и понимаютъ богословіе не хуже нашихъ латиновѣдovъ, а курсъ оказалось возможнымъ сократить до семи лѣтъ (вмѣсто нашихъ десяти). Преподаваніе ведется на японскомъ языкѣ, но учебники по боль-

шей части русскіе, не переведены. Русскій языкъ преподается въ младшихъ классахъ, такъ что старшіе могутъ (смотря по способности) читать довольно хорошо, нѣкоторые же отчасти и говорятъ. Впрочемъ, руссификація японцевъ совсѣмъ не входитъ въ задачи миссіи: она имѣеть цѣлью только научить японца христіанству. Русскій языкъ преподается въ семинаріи просто для того, чтобы семинаристы могли потомъ читать русскія богословскія книги, переводить и пр. Однимъ словомъ, чтобы была фактическая связь съ церковію-матерію.

На слѣдующій день, тоже вмѣстѣ съ преосв. посѣтили другой приходъ тоокейскій. Въ кварталѣ Коози-мацци есть другой небольшой храмъ, при немъ катихизаторская школа и нѣчто въ родѣ дѣтскаго сада для маленькихъ ребятъ. Тамъ настоятелемъ о. Павелъ Ницума, іеромонахъ, весьма много работающій для церкви. Въ Тоокео теперь до трехъ тысячъ христіанъ, которые раздѣлены на нѣсколько церквей, т. е. общинъ, во главѣ которыхъ стоятъ катихизаторы или діаконы. Каждая община имѣеть у себя церковный домъ, гдѣ живетъ ся катихизаторъ и гдѣ происходятъ различныя церковныя собранія: для проповѣди, для какихъ-нибудь совѣщаній по церковнымъ вопросамъ и т. п. На Богослуженіе же всѣ сходятся или въ Миссію или въ храмъ Коози-мацци, смотря по разстоянію. Былъ прежде и третій центральный пунктъ съ храмомъ, но, во время большаго пожара, этотъ домъ сгорѣлъ. Теперь только два. Всѣ общины подѣлены между нѣсколькими священниками, изъ которыхъ одни ограничиваются только Тоокео, у иныхъ же есть приходы и внѣ Тоокео, иногда на большое разстояніе.

Послѣ обѣда были на урокъ въ катихизаторской школѣ. Въ ней на этотъ годъ было два класса, обычно же одинъ. Курсъ продолжается два года, и состоитъ изъ одного только богословія. Сюда поступаютъ люди различнаго возраста, отъ двадцати лѣтъ и до сорока. Окончивши второй годъ, они всѣ поступаютъ катихизаторами въ различныя церкви, сначала подъ руководство какого-нибудь стараго катихизатора, а потомъ и самостоятельно.

Шелъ урокъ самаго преосв. Онъ преподавалъ догматику. Учебникъ, конечно, японскій, съ каракулями. Преподаваніе

все исключительно по японски, потому что никто изъ слушателей никогда и не слыхалъ русскаго языка.

Но главное ожидало насъ вечеромъ: семинаристы выпросили у преосв. себѣ рекреацію по случаю нашего приѣзда. Долженъ былъ быть вечеръ. Къ намъ, конечно, явились съ приглашеніями.

Часовъ въ восемь вечера отправились въ семинарское общежитіе. Тамъ въ самой обширной комнатѣ сидѣли уже за низенькими столами-скамейками всѣ семинаристы. Предъ каждымъ изъ нихъ лежали гостинцы, маленькія чашечки для японскаго чаю, чайники съ горячей водой и пр. Въ переднемъ углу накрытъ былъ настоящій европейскій столъ, накрытъ, конечно, роскошной скатертью, т. е. краснымъ байковымъ одѣяломъ. На столѣ блестѣлъ огромный самоваръ, стоялъ какой-то цвѣтокъ въ банкѣ, и наложены были горой всякія угощенія. Все это для почетныхъ посѣтителей, т. е. для учителей, миссіонеровъ и пр. Въ срединѣ, у передней стѣны, которая была вся завѣшана длинными бумажными лентами, съ какими-то китайскими подписями, поставленъ былъ другой столъ, маленькій, уже безъ всякихъ угощеній, на немъ стоялъ только чайникъ съ холодной водой и стаканъ. Это не болѣе, ни менѣе, какъ кафедрѣ для нашихъ ораторовъ, а непонятные іероглифы на лентахъ, на передней стѣнѣ ничто иное, какъ темы, на которыя предполагалось говорить въ этотъ вечеръ.

Пришелъ епископъ, пропѣли всѣ хоромъ Царю Небесный (по японски), и вечеръ начался. Къ импровизованной кафедрѣ выходилъ какой-нибудь ораторъ и важно-преважно развивалъ предъ публикой какую-нибудь замысловатую тему. Говорило нѣсколько человѣкъ по японски, двое сказали по русски. Содержаніемъ рѣчей служить нашъ приѣздъ, нужды японской церкви, горячо трактовалось о призваніи проповѣдниковъ и пастырей. Ораторы были весьма солидны. Держали себя вполне по ораторски, непремѣнно каждый нѣсколько разъ пилъ воду изъ стакана, хотя нѣкоторымъ и приходилось начинать свою рѣчь огражденіемъ себя отъ подозрѣній въ малолѣтствѣ. („Никогда, никогда“, горячо кричали въ отвѣтъ столь же пожилые слушатели). Преосв. не пропустилъ этого случая, и послѣ многихъ рѣчей и самъ сказалъ имъ рѣчь. Ребята слушали внимательно, а потомъ

покрыли рѣчь аплодисментами... Публика вообще вела себя очень оживленно. Здѣсь нѣтъ къ счастью той отчужденности между учениками и ихъ учителями и воспитателями. Отношенія болѣе просты и близки. Въ общемъ очень милый народъ эти семинаристы, съ ихъ живыми рѣчами и ихъ оживленнымъ шумомъ.

Конечно, много говорится на этихъ „симбокувай“ (братское собраніе) пустяковъ, но все же польза есть. Иногда говорятъ и дѣльные вещи. А главное предметъ-то этихъ рѣчей все таже проповѣдь, все таже церковь. Семинаристъ прямо привыкаетъ на себя смотрѣть, какъ на кандидата священства или катихизаторства. Его жизнь можетъ опредѣлиться этими рѣчами.

Бываютъ такія собранія и въ другихъ нашихъ школахъ, не исключая и женской, и барышни наши тоже не отстаютъ отъ своихъ братьевъ: тоже и у нихъ ставится столъ съ водой, тоже выходятъ ораторши и говорятъ рѣчи, только у тѣхъ темы все больше нравственные, назидательныя.

Да, жизнь здѣсь кипитъ всюду, и въ школахъ, и въ редакціи, и въ канцеляріи, и на постройкахъ, и все это стоитъ на одномъ преосв. Николаѣ, вездѣ онъ, все имъ начато и поддерживается. Вирочемъ, поживу, увижу болѣе, тогда напишу обо всемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Архимандритъ Сергій.
